

Автор представлен членом Художественного совета **Ларисой Морозовой-Цырлиной**

Два прадеда

История - тёмное дело.
По воле судьбы у меня
Два прадеда - красный и белый,
Два сердца, два грозных огня.

Один - голоштанный Петруха -
Мечтатель, подвешен язык.
Плевались по Тойме старухи
Вослед: "Сотона, большевик!"

Смотрел он сурово и жёстко,
Но совесть, как видно, была:
Ушёл, не стерпев продрозвёрстки,
На фронт из родного села

И сгинул в кипящем пространстве,
Оставив детей и жену,
"От голода и от тиранства"
У белополяков в плену.

Второй не рассказывал байки.
С холодным азартом в глазах
Лупил комиссаров нагайкой
Упрямый уральский казак

И также безвременно сгинул
В степи, посреди ковыля -
Прадедушка Фёдор Щербинин -
За веру, за Русь, за царя.

Не знаю я, кто из них прав был.
Теперь до скончания дней
Два прадеда - белый и красный
Отчаянно спорят во мне.

Свинцом да железом калёным
История нам воздаёт.
Свеча у разбитой иконы.
Россия. Семнадцатый год...

голос дождя за кадром
снами кипят ресницы
небо читает мантры
ввысь опадают птицы
нежные щёки утра
колет небритый ветер
люди чего-то ждут, но
им ничего не светит
сон захлебнулся явью
листья теряют силу
бой (или вой?) без правил
бред мировой кобылы
память - порез на коже
а кровоточит будто
сколько богов, но всё же
верится только в будду
вверх первобытной стаей
копья свистят вопросов
голос дождя читает
странное слово "осень"

Уходят дети в электронный мир

Уходят дети в электронный мир,
И это так удобно - поначалу:
Мы, возвращаясь в логово квартир,
Усталые, детей не замечаем.
Скучают книжки, свалены в углу,
И кубики заброшены куда-то.
На всех планетах - в холод и в жару
Воюют электронные солдаты.
Врастают дети душами в экран.
Потоки крови в схватках рукопашных.
Но умирать от виртуальных ран
Нисколько не больно и не страшно.
И хочется - добить наверняка,
Добить, чтоб мОзги брызнули потешно.
На мышку жмет мальчишечья рука,
А взгляд пустой, бессмысленный, нездешний...
Зато - порядок в логове квартир.
Свободы у родителей навалом.
Уходят дети в электронный мир,
И это так удобно - поначалу...

Женщины марта

Терпкий сумрак в бокале синем,
золотистый лимон луны.
В марте женщины пьют мартини
и приходят в чужие сны.
Чиркнув взглядом неосторожным,
ослепительны и легки -
в марте женщины, словно кошки,
точат нежные коготки.
Задевая опасной бритвой
жизни серое полотно,
в марте женщины - Маргариты -
в ночь распахивают окно...

Над колыбелью

Колючий, игольчатый звон
На космах насупленной ели.
Я знаю: зима - это сон,
Мерцающий над колыбелью.
В нём всё/ничего уже есть,
Сверкает, струится без страха.
Кольшется в воздухе взвесь,
Суспензия света и праха.
В нём вечности белый волчок
Гудит над равниной покоя,
И кто-то стоит за плечом
И движет неловкой рукою.
Висят на ветвях облака,
Ресницы смыкает младенец.
Зима - это вкус молока,
Знакомый ещё до рождения.
Ещё кровоточит пупок,
И тайны как будто забыты.
Все ниточки звёздных дорог
В ладошках пока нераскрытых.

Берег

...Смотрю на горячие травы и глаз не могу отвести,
мой берег заброшенный, правый, высокий, до неба почти,
как песня старинная, длинный (Россия - судьба набекрень!),
лишь брёвна, да ржавая глина, да тени родных деревьев.
От светлого хочется плакать, кого ж тут спасёт красота,
но красный ободранный бакен плывёт, не покинув поста.
Стою на последнем пароме, смотрю на далекий угор,
где мамин зелёный домик, и ласточки режут простор.
Я знаю: мгновенье, и снова огромный потянет магнит,
песчаною низкой подковой обхватит, сожмет, полонит -
тот, левый - большая дорога, зудящая масса людей,
там тоже живётся убого, но чуточку всё ж веселей.
На палубе ветер противный, коричнево волны кипят,
смотрю и смотрю неотрывно пока ещё можно - назад.
Штыками оставшихся елей небес охраняя гранит,
мой правый, несдавшийся берег –
как Брестская крепость стоит.